

*Эта книга посвящается
моей матери,
Диане Оуэн Джордан,
которая так любит людей.*

*А также памяти моей бабушки,
Эвелин Хопсон Вуд Оуэн,
от которой я унаследовала любовь к горам,
искусству и словам.*

*И всем родным и друзьям,
которые учили меня доброте и мужеству.*

*И, наконец, всем тем,
кто старается сделать наш мир
более сострадательным,
мирным и справедливым.*

ГЛАВА 1

ОКТАБРЬ 1895 ГОДА

Сквозь клубы дыма, окутывающего вагоны, дымовые трубы и развевающиеся подолы юбок, с самой дальней платформы Центрального вокзала Нью-Йорка прорвался свисток: настала пора взглянуть в лицо прошлому, которое, как она думала, удалось обмануть, оставить позади, покинуть. Пассажиры торопливо шли по платформе, покачивались высокие цилиндры, котелки и развевающиеся перья — все стремились вперед, к путешествиям, приключениям и тайным интригам. Но Керри МакГрегор застыла на месте. Она давно боялась, что этот момент когда-нибудь наступит.

Для нее этот свисток был сигналом к началу пути, а она отдала бы половину Манхэттена за то, чтобы не начинать его. Все ее тело, от головы до пят, дрожало, словно сопротивляясь.

— *Так вот ты где,* — сказал кто-то сзади. У нее за плечом появилась пожилая женщина. — Я так и думала, что отыщу тебя здесь.

Керри встретила с мисс Хопсон взглядом. В уголках глаз старой учительницы в последнее время появились новые морщинки, но сам взгляд был твердым, как ствол старого дуба, на который можно опереться, когда уже не можешь сделать ни шага. Керри попыталась придумать что-нибудь, чтобы рассмешить их обеих —

это было ее старое, испытанное средство справляться с трудностями. Но разум, растекаясь клубами, как дым вокруг, никак не мог сосредоточиться.

Улица погрузилась в предзакатные сумерки, но газовые фонари уже заливали вокзальные платформы тусклым золотым светом. Она посмотрела на уходящие вдаль параллельные стальные полосы, словно пытаясь разглядеть там очертания своего будущего — готового рухнуть на эти рельсы.

— Спасибо, что пришли.

— Керри, ты же знаешь, я все понимаю. Почему ты чувствуешь, что должна вернуться туда, что у тебя нет другого выбора? И — прости, но это надо сказать — во что это тебе обойдется?

Эти слова повисли на несколько секунд в воздухе вместе с паром и вокзальными запахами горячей стали, мокрого бетона и жареных каштанов. У Керри свело желудок. Она почти ничего не ела с тех пор, как три дня назад получила телеграмму. Отчасти спазм был вызван этим. Но каштаны всегда пахли бедой.

Там, дома, она собирала их в подойники для молока — чтобы было чем оплатить счета. Даже теперь, два года спустя, ее рот наполнился от этого запаха горькой слюной. Неоплаченные налоги. Коллекторы под дверями дома. Папа, взводящий курок своего ремигтона.

— Керри, ты же помнишь, я больше кого-либо знаю, как далеко простираются щупальца нищеты. Как этот мир может затянуть тебя в бездну бедности.

Керри услышала свист выходящего пара и подумала: не из ее ли легких выходит последний воздух?

— Ты с таким трудом получила это место. Мне так жаль видеть, что ты...

— Упускаю свою жизнь?

— Она у тебя только одна...

— Когда я разберусь там, дома, с делами, я смогу вернуться.

Пауза.

— У нас нет большого влияния на совет директоров «Коламбии». К тому же столько достойных девушек претендует на стипендию в Барнарде... Но ты же знаешь, мы попытаемся сделать все возможное. Ну, в той мере, в какой ты сумеешь распорядиться собой без... осложнений.

— Осложнений. — Керри не нуждалась в уточнениях. Мисс Хопсон три года назад побывала в той школе с одной классной комнатой, откуда выросли эти осложнения.

Пожилая женщина вздохнула.

— Дорогая, я могу только восторгаться твоим чувством долга. Особенно на фоне, скажем так, твоего более чем непростого воспитания.

Керри вздрогнула. Это было правдой — и очень завуалированной правдой. Но тем не менее услышать это было больно.

С дальнего конца вокзала доносились трамвайные звонки и звуки скрипки — это играл уличный скрипач. Закрыв глаза, она могла услышать, как ее сестра звонит в колокольчик, брат играет на банджо, сделанном из тыквы и беличьей шкурки, а папа извлекает из своей скрипки тягучую, печальную балладу.

Их папа. Который мог заставить их прослезиться от красоты, от открытой боли любой из его песен. Когда бывал трезвым.

Их папа, который, когда трезвым не был, мог заставить их плакать по бесконечному числу других причин.

Мисс Хопсон сказала, осторожно подбирая слова:

— Я беспокоюсь о твоём будущем... — Она сделала паузу, как будто бы горы Северной Каролины были так далеки от Нью-Йорка, что казались ненастоящими. — Там.

Кондуктор на дальней платформе вынул из кармана часы и сверил их с вокзальными, висящими на ажурном кованом столбе рядом с Керри. Она постаралась избавиться от чувства, что они тикают прямо у нее в голове.

— Я понимаю, — сказала Керри. И она действительно понимала.

Именно поэтому она до сих пор не поднялась в вагон и не уселась у окошка, чтобы посмотреть на пролетающие мимо поля, города и невыразительные фермы, которые все удалялись бы, уменьшаясь и растворяясь в голубом тумане. Она понимала, что это решение приведет ее к полному развороту на жизненных рельсах. Или совсем сорвет с них.

Мисс Хопсон кашлянула.

— Времени мало, поэтому прости за краткость: как ты собираешься поступить с Диргом Тейтом?

— Если повезет, у него уже будет жена и трое детей, — улыбнулась Керри. — Что само по себе разрешит *любые* проблемы, которые могли бы возникнуть.

— Другими словами, ты в должной мере беспокоишься об этом. Керри, ты же знаешь, посторонние могут считать меня старой девой, которая, будучи профессором в Барнарде, не имеет представления о подобных вещах, но могу тебя заверить, существуют такие силы за пределами, — она поправила юбки, — всяческого разума, которые могут полностью сбить женщину с толку.

В нескольких метрах от них джентльмен в цилиндре остановился возле вокзальных часов. У него было молодое лицо, по которому, впрочем, как надвигающийся шторм, мелькали какие-то тени. Возможно, злость. Или же тоска. Керри проследила, куда был направлен его взгляд — мимо часов ковылял плачущий ребенок. Джентльмен в цилиндре шагнул вперед, по направлению к нему. Но тут подбежал другой человек, опустился на колени и обхватил мальчика руками.

— Нико! — этот другой темноволосый человек в твидовой кепке набекрень прижал мальчика к себе. — *Ero cosi spaventato!*¹ Нельзя вот так убегать, когда я на секунду отвернулся. — Он взял лицо ребенка в ладони. — Я больше не позволю им забрать тебя у меня.

Керри скрестила руки, пытаясь закрыть дыру той боли и тоски, которую она испытывала, скучая по своим брату и сестре. Что, собственно, и придало такую мощь той телеграмме.

— Через что же, — пробормотала она своей старой учительнице, — пришлось пройти этим двоим?

Джентльмен у часов пошевелился, и она снова взглянула на него. Он прижал два пальца правой руки к левому лацкану — словно какой-то знак — и держал их таким образом.

Обернувшись, он поймал ее взгляд. На лоб ему упала прядь русских волос. Выпрямившись, он убрал руку с лацкана.

Она подумала, что во всем этом есть какое-то *противоречие* — элегантный цилиндр, небрежный разворот плеч — и что-то такое в лице, чего она не могла понять.

— Итак, — продолжала мисс Хопсон, — я полагаю, что болезнь твоего отца очень серьезна.

— Сам факт, что они прислали телеграмму... У них же совсем нет на это денег. А «Вестерн Юнион» не очень охотно берет в качестве платы сушеные яблоки. — Керри достала прямоугольный листок бумаги.

Папа заболел. Мы с близнецами хотели бы вызвать тебя домой.

— *Заболел* — значит, *умирает*, раз уж они послали эту телеграмму. *Мы с близнецами* значит, что моя тетушка Рема рассчитывает, что я ужасно скучаю по брату и сестре — что так и есть. И рассчитывает, что это ока-

¹ Я так испугался! (ит.)

жется сильнее того, что привело меня сюда. *Вызвать* — не просто требование приехать, это ее способ сказать, что мне может понадобиться помощь, чтобы вернуться к тому, что все еще, нравится мне это или нет, является моим *домом*.

Мисс Хопсон кивнула.

— Когда ты сказала мне про телеграмму, я поняла, что ты решишь, что обязана ехать. Так что я позволила себе помочь тебе — и тоже послала свою собственную телеграмму. В том дальнем вагоне тебя ждет сюрприз, и, я надеюсь, ты будешь ему рада.

Керри посмотрела в конец платформы.

— Что бы вы ни сделали, спасибо.

Снова раздался свисток. Новые клубы пара. У Керри в груди все сжалось.

— По вагонам! — закричал кондуктор. — Королевский голубой экспресс отправляется в Вашингтон!

Керри подхватила маленький, обтянутый кожей сундучок, одолженный у мисс Хопсон, и свою коричневую сумку. Не говоря ни слова, они вместе пошли вдоль поезда. И вдруг мисс Хопсон, широко раскрыв глаза, указала на конец поезда:

— Боже мой... Ты только посмотри.

— Они прицепили частный вагон?

— Не просто вагон. К твоему поезду прицеплен Сваннаноа, вагон Джорджа Вандербильта.

Керри наклонила голову набок.

— Я бы сказала, это уж скорей его поезд, чем мой. Его семья, возможно, владеет и всеми рельсами.

Мимо них прошла женщина в сиреневом платье, несколько подбородков тонули в кружевном жабо.

— Говорят, этот вагон элегантнее салонов на Пятой авеню. Но я не вижу самого мистера Вандербильта, а вы?

Мисс Хопсон покраснела.

— Я не уверена, что знаю его в лицо.

— Но вы же видели его в светской хронике! Говорят, он сам построил новое поместье где-то... там, — она помахала рукой.

Керри подмигнула старой учительнице.

— Где-то там. — Как у всех нью-йоркцев, в ее представлении география Юга состояла из хлопковых полей, табачных ферм и, может, небольшого города типа Атланты.

Вдоль поезда мимо Керри торопились дамы в серых, бежевых, темно-голубых дорожных жакетах и юбках в тон. Рукава жакетов, узкие в запястьях, расширились вверх от локтей настолько, что из-за этих пуфов на плечах им приходилось держать дистанцию. Цветы и перья на шляпах покачивались в такт их разговорам. Следующая волна садящихся в поезд пассажиров вынесла двух джентльменов в цилиндрах.

— Вон, — сказал тот, что был повыше, отводя рукой прядь русых волос, упавшую на глаза; это был тот же самый джентльмен, которого она видела раньше. — Вон там, в конце, вагон Джорджа.

Второй джентльмен стряхнул пылинку с рукава.

— Он не мог найти более неподходящего места для нового предприятия. По моему представлению, эти люди гор совсем непросты. Для начала они страшно дики и независимы.

— Я слышал. — Обогнав Керри, джентльмен, который был повыше, обернулся и посмотрел на вокзальные часы. — И трагически неграмотны.

Керри крепче стиснула в правой руке свою небольшую коричневую сумку, сделанную из мешка от муки, который она сама выкрасила цикорием и фитолаккой. Предполагалось, что этот эффект поможет ей смешаться с кожаным миром путешествий, хотя высокий джентльмен, бросив на нее взгляд, кивнул головой так, словно это был музейный экспонат из раздела примитивных культур.

У Керри вспыхнули лицо, шея, грудь. Она ответила мужчине прямым взглядом.

— Дикие, — сказала она ему, — это еще очень слабо сказано.

Оторопев, он моргнул.

Но тут поезд снова засвистел, и на сей раз этот звук заставил Керри торопливо обнять свою учительницу. Неким образом слова этого джентльмена, такие высокомерные и небрежные, помогли ей миновать последнее, выворачивающее душу прощание и сделать, расправив плечи, то, что должно быть сделано.

Мисс Хопсон положила руку в перчатке на ее локоть.

— Счастливого пути. И еще одно слово. — На лице, покрытом морщинами, ярко блеснули глаза. — Всегда помни: «Богаче будь, чем видно напоказ».

— «Прибереги слова, коль много знаешь», — Керри отступила назад и подняла руку, сжимающую мешок.

— «Коль просят в долг, не бойся дать отказ», — закончила мисс Хопсон, посылая ей воздушный поцелуй.

— Пойдите, — обернулась проходящая мимо дама в сиреновом. — Я знаю эту цитату. Это же из «Короля Джеймса»?

Но Керри уже пыталась бежать за носильщиком со своим мешком из-под муки и одолженным сундучком. Она направлялась не в конец поезда, где пассажиры со шляпами в перьях и атласными лацканами усаживались в дамские вагоны и Сваннаноа, но к самому первому вагону. Туда, куда долетали дым и искры из кочегарки — где ездили иммигранты и те, кто победней.

Она сделала свой выбор.

И этот выбор, скорее всего, повернет ее будущее куда-то очень далеко от того, ради чего она столько времени билась. Далеко от всех ее мечтаний. И она понимала это даже сейчас, на бегу.

Но чему быть, того не миновать.

ДЖОЙ ДЖОРДАН-ЛЕЙН

Она учтет предупреждение своей учительницы. Она будет стараться избегать всех ловушек, какая бы сила ни сохранилась до сих пор в тех старых течениях и водоворотах.

И она будет сдерживать свою давнюю обиду на отца, ввевшуюся ей в самые кости, — потому что иначе она не вынесет и взорвется.

Носильщик с легким поклоном принял у нее сундучок. Но свой мешочный багаж она ему не отдала.

— Благодарю, но это останется со мной. Тут лежат мои, — она повернула голову в сторону светловолосого джентльмена, который продолжал стоять в нескольких метрах от нее, — ценности.

Он приподнял бровь. После чего, сделав небольшую паузу, коснулся пальцами полей своего цилиндра и направился вслед за своим товарищем в сторону Сванна-ноа.

Да, дикие, захотелось ей закричать ему вслед. И упрямые. Больше, чем можете вообразить и вы, и ваш Ван-дербильт, и все ваши приятели-миллионеры.

ГЛАВА 2

Следуя за дамой в сиреневом, поднявшейся с помощью носильщика в вагон, Керри тоже поднялась по ступенькам и стала пробираться по проходу. Ее глазам потребовалось время, чтобы привыкнуть к яркому электрическому свету, темно-голубому потолку, красновато-коричневым стенам, рядам полированных деревянных скамей и клубам сигарного дыма, клубящегося вокруг мужчины в коричневом котелке. Так что она располагала лишь мгновением, чтобы собраться, когда два пассажира в дальнем конце вагона вдруг вскочили со своих мест и кинулись к ней.